

Лицо с экрана

Он же – Игорь, он же – Гоша

Ровно половину жизни – а Гурьянову исполнилось пятьдесят – он отдал телевидению

Он мудр, как старый Каа, и при этом задирист, как вечно юный Маугли. На нём одинаково великолепно сидят неформальная одёжка с шапочкой а-ля Боб Марли и классический костюм со строгими очками. Он гармоничен в беседе с рокером и в официальном интервью с главой города. И все без исключения верят ему потому, что, не изменяя себе, он искренне говорит со своими героями.

Да не просто говорит – а занимается аналитикой. И делает выводы, и даёт оценки – хотя современная журналистика не приемлет, если журналист имеет собственное мнение. А он имеет. И ему доверяют. Потому что это – Гурьянов. Его знают все – и уважают все. Потому что всю жизнь на всех телеканалах города он работает самим собой: Игорем Гурьяновым.

Поколение, рождённое ещё в советские годы, помнит его сначала остроумным студентом инфака пединститута, ставшим отцом-основателем легендарной команды КВН, потом преподавателем иностранных языков МГПИ, затем переводчиком на комбинате и только после – корреспондентом и телеведущим. Он не просто работал на всех ведущих телеканалах города – он стал лицом каждого из них. Сегодня Гурьянов – один из самых значимых журналистов ТВ-ИН. И именно здесь он, по собственному признанию, раскрылся в полной мере и творческой манере, к которой шёл через испытания, преодоления и поиск себя. Поиск был долгим и трудным – и о нём он рассказывает без пафоса и стеснения. Ибо всё это – опыт, которым он дорожит больше всего.

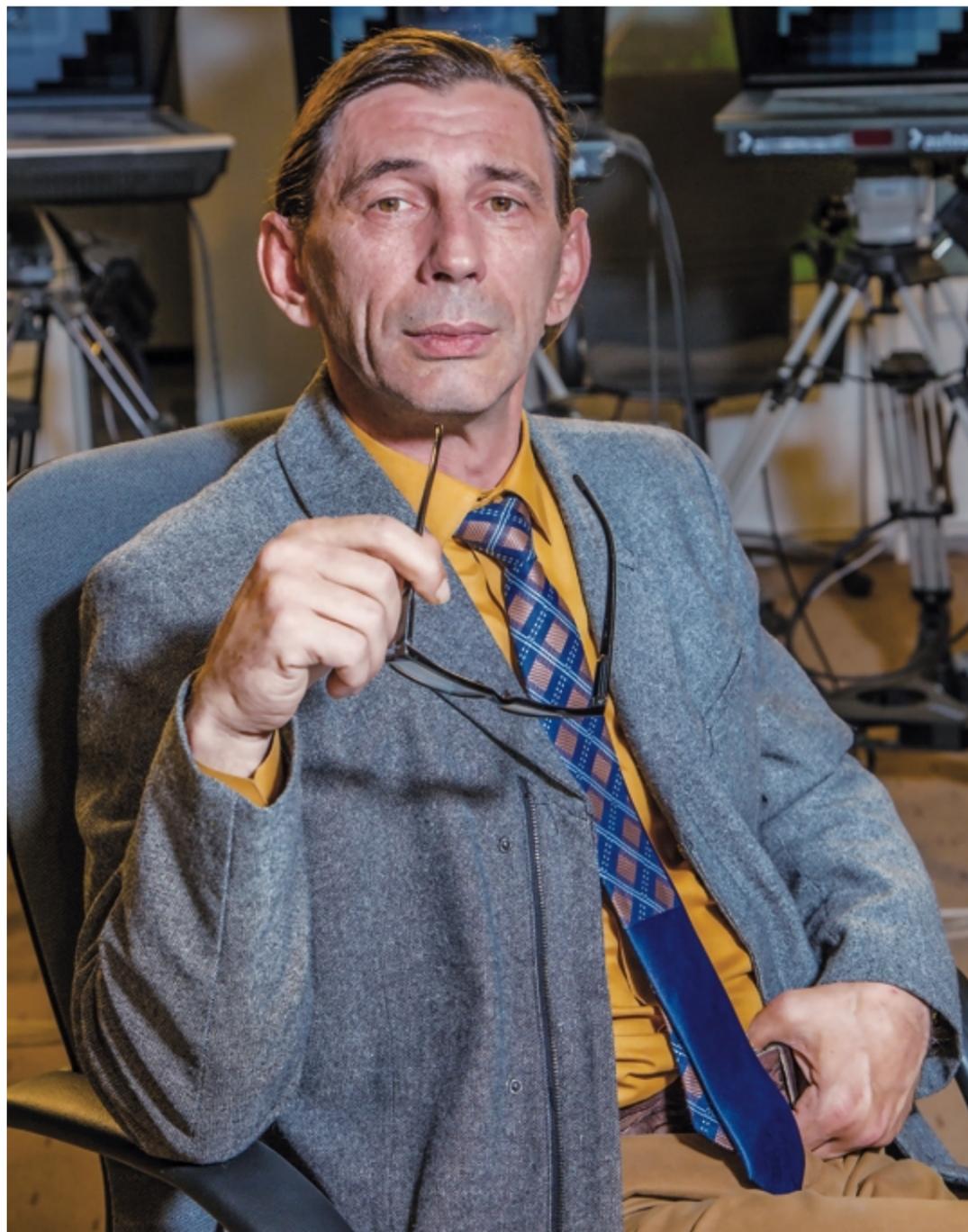
Скромность – единственный недостаток, с которым борюсь всю жизнь, в том числе телевизионную, – начинает разговор Игорь Гурьянов. – Сегодня, достигнув каких-то карьерных успехов, всё-таки признаю: настолько застенчив, что стесняюсь своей скромности...

Путь в профессию

Стеснение, комплексы и их преодоление когда-то толкнули студента факультета иностранных языков Игоря Гурьянова на сцену институтского КВН. И, оставшись он в команде, ещё не известно, кто сегодня блистал бы на федеральных каналах. Впрочем, Гурьянов к таким заявлениям не готов:

– Это большой вопрос, ибо такими актёрскими талантами, как Серёга Писаренко, Жека Никишин, Саня Журин и Аркаша Лапухин, я не обладаю, – улыбается, польщённый вопросом, Гурьянов. – Но пять лет – с 87-го по 92-й – команда пединститута, «рвущая» все залы, «гнала» со сцены мои тексты и сценарии. Дальше лидеры определились – и я уступил им место. Мой принцип: никогда не стоять в очереди и не биться за лидерские позиции.

С лёгкой руки ректора пединститута Валентина Романова, крёстного отца кавээнщиков, внёсших Магнитогорск в элиту студенческого юмористического движения страны, Гурьянов, выпускник инфака, стал преподавателем МГПИ – смеётся: работал «целым ассистентом кафедры иностранных языков». Потом был приглашён переводчиком в протокольный отдел комбината: обеспечивал претворение одного из первых международных проектов ММК – мясоперерабаты-

© Евгений Румягёв

вающего предприятия. Сопровождал австралийских специалистов на официальных переговорах, вечерами помогал им на ужинах и неофициальных встречах – в общем, получал удовольствие от жизни и работы. Но однажды круто изменил свою жизнь.

– В начале 90-х преподавал на курсах английского группе, в составе которой были прославленные Валентина Никифорова, Александр Власюк, Вячеслав Гусев, Александр Проскуров, Елена Карелина, Алексей Тюплин... Медийная тусовка того времени, когда зарождалось свободное телевидение, которое словно глоток свежего воздуха: их смотрели, ими восхищались, их жизнь была полна событий. На одном из занятий вякнул: тоже хочу стоять, важный, с микрофоном и вещать людям доброе и вечное, – смеётся Гоша. – Потом поступило предложение Нелли Смирновой – в то время ещё председателя МГТРК – работать на телевидении.

Тут ремарка: журналисты городских СМИ были разве что известными, а зарплата – более чем скромной. Но он легко променял 15 тысяч комбинатской зарплаты на журналистские четыре тысячи в месяц. Впрочем, были другие преференции.

– Перед тобой последний человек в этом городе, получивший квартиру не по ипотеке, а по ордеру, совершенно бесплатно, – рассказывает

Игорь. – В апреле 93-го мне выдали ключи от однокомнатной квартиры в доме по улице Тевосяна. Но сказать, что пошёл на телевидение из-за этого – значит, соврать. Мы были молодыми, безбашенными, снимали углы, умудрялись набивать их каждый вечер друзьями и в последнюю очередь думали о деньгах. Главное – попал туда, где мечтал оказаться.

Ангел-хранитель

О, эта эпоха перемен, когда советская школа под приглядом горкома партии уступила место безграмотному, зато свободному созданию нового телевидения! Спрашиваю: неужели профессионалы «старой» школы восприняли тебя на равных? Отвечает вполне серьёзно: да не было времени относиться друг к другу свысока – втроём надо было «закрывать» ежедневный эфир новостей. Не было ещё пресс-служб и информагентств – звонки, личные связи и постоянное погружение в дела абсолютно всех предприятий.

– Если возникали проблемы в написании текста или теме беседы, мне говорили: ты же кавээнщик! – рассказывает Гоша. – А причём тут это, если я ни разу не брал интервью у главы города! Но это звание вроде бы обывало: придумай что-нибудь!

Так летели годы – в профессиональном становлении, росте

мастерства и популярности. Из нажитого, кроме упомянутого, – дом и две дочери. Впрочем, справедливости ради, хозяйство это, включая самого Игоря Гурьянова, многие годы несёт на себе жена Светлана.

Света – его ангел-хранитель, которому он посвящает свои стихи. «Есть женщина – всегда со мною как вздох, как правая рука. / Живительный глоток покоя, зависимость, неизлечимая пока. / Без цветущек и истерик. Да что там – ссор наперечёт. / Негромко любит, честно верит, оберегает, крепко ждёт».

Всё это – Светлана. Гурьянов признаётся: если про любовь – то это она. Беседем о заработках – и Игорь с улыбкой говорит: даже здесь Светлана оберегает его.

– Со мной бессмысленно говорить о том, что колбаса или коммунальные услуги вдруг резко подорожали – я не знаю, сколько они раньше стоили. Ибо отдаю жене – и она распоряжается покупками и платежами.

Провоцирую: таких мужчин называют подкаблучниками! Он смеётся:

– О да, я полный подкаблучник!

Быть самим собой

Зато имеет однозначное мнение насчёт журналистики. Первое: не верьте, что корреспондент не имеет права на собственное мнение.

– Один из переводов слова «кор-

респондент» – соучастник, – оживляется Гоша. – И если я сочувствую в мероприятии на профессиональной основе, кто сказал, что не имею права давать оценку? Другое дело, обвинять кого-то конкретного – компетенция соответствующих органов, но сказать, что обижать беззащитных – плохо, разве не дело меня, соучастника?

Сменилось шесть мэров, три губернатора, пять гендиректоров комбината – со всеми Гурьянов здоровается за руку. Достижение? Пожалуй, нет, хотя то, что из всех журналистов запомнили его – несомненно профессиональный показатель. А вот то, что ни разу не воспользовался личным знакомством – да, достижение. Улыбается: может, и здороваются за руку именно поэтому. Его принцип: мерзавцам не место на телеэкране. Во всяком случае, не у него в программе.

– Почему-то верхом репортёрской удачи считается интервью с каким-нибудь сексуальным маньяком: съездить «на тюрьму», показать, как он там исправился. С какого перепугу? Ребята, у меня в очереди стоят куда более достойные люди! Комбинатские трудяги, к примеру. Работают в тяжелейших условиях, полностью отдаются делу: как говорится, на войне бывают передышки, на безостановочном производстве – нет. Они живут в квартирах, купленных в ипотеку, экономят на себе, но растят детей, умеют радоваться и не жалуются на жизнь. Они не считают себя героями, и моя задача – показать, что они герои. Помню, как-то вечером жалуюсь соседу-коксохимику: устал. Он: а что ты делал? – Сюжет. – Что – камера тяжёлая? – Я ношу только микрофон, блокнот, ручку. – А чего делал-то? – Ну как: созвонился, договорился, приехал на служебной машине, поговорил с людьми, вернулся, отсмотрел запись, придумал и набрал текст... Слушаю себя и начинаю стыдиться своей усталости перед тем, кто отпахал смену. И с моей подачи ТВ-ИН начал создавать портретную галерею в формате программы «ТВ-ММК». Хотя наша работа тоже порой выматывает.

Почему, прославившись на всех телеканалах Магнитки, не дослужился до начальственного кресла? – отвечает честно: это судьба – всю жизнь у станка. Потому что не служил, а работал – был сам собой, за то и ценят. Ни один телеканал, на котором работал Гурьянов, не просил подстроиться под концепцию – напротив, создавали проекты и программы «под него», как под готовый бренд – и не прогадывали. Главное, чем гордится Гоша, – тем, что никто ни разу не сказал: «Какую ерунду ты несёшь!» – напротив, всегда был интересен своей аудитории, которая – весь город. И тут же съёживается, услышав от меня: профессионал.

– По сей день стесняюсь так называть себя: я ведь не учился на журналиста!

Ну и, наконец, традиционное: почему не Москва, Питер или хотя бы Екатеринбург? Отвечает со смехом:

– Первое: я там никого не знаю. Второе: меня там никто не знает. Третье: а куда я собаку дену? Если серьёзно, тащусь от того, что процентов девяносто в этом городе знают меня как пацана из телевизора. В Сочи, Москве только пару дней наслаждаюсь тем, что в меня никто не тычет пальцем, – потом начинаю тосковать. Это мощнейшая энергетическая подпитка.

И напоследок – немного философии.

– Как-то главный редактор «ММ» Олег Фролов, ещё будучи телевизионщиком, сказал: иной раз не понимаю, за что мне платят зарплату, настолько кайфу от того, чем занимаюсь. Это правда. И это великое счастье – найти работу, которую готов делать даже просто так. Потому что, если только за деньги, то тебе точно не в журналисты.

Рита Давлетшина